

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/turgenev/aihenv_turgenev.html.

Тому, кто пережил свою молодость, как-то жгуче и больно возвращаться к Тургеневу после долгой разлуки с его заветными страницами. Ведь жизнь успела заслонить его, изящного рассказчика, его, старомодного, и невольно зарождается предчувствие, что, при новом восприятии, его произведения не сохраняют всего своего прежнего благоухания - и не по вине одного только воспринимающего. И действительно, друг нашей доверчивой юности, такой желанный в те дни, когда нам были новы все впечатления бытия, светлое воспоминание прошлого, Тургенев в это прошлое и уходит. На нем видно, как состарились мы и он.

В значительной мере это объясняется тем, что тогда, в прежние нетребовательные годы, мы не замечали его существенных недостатков и за нежной дымкой его очарований, за романтической группой его героинь, за всей этой прекрасной женственностью не слышали отзвука литературы. Теперь же она предстает перед нами, и явно для нас, как много Тургенев сочиняет, выдумывает и как в нем истинного творца побеждает беллетрист. Он пишет свои новеллы так, как если бы жизнь сама была новеллой. Он всегда заканчивает, между тем как жизнь и конец - понятия несовместимые. Он досказывает и сообщает нам судьбу даже самого второстепенного, мимолетного персонажа и тем как бы исполняет свой писательский долг перед ними; и когда он ставит точку и завершает рассказ, он успокаивается, он думает, что завершил и душу. Это связано с его постоянной склонностью к округлению и симметричности. Когда же он не знает, как и чем закончить, он, в своих художественных силах всегда ограниченный, разрубает гордые узел и заставляет своего героя на самом интересном месте его жизни умереть. Так он сделал с Базаровым, с Инсаровым, и напрасно он оправдывается тем, что героическая смерть Базарова только достойно восполнила его нравственный облик: читатели предпочли бы героя живого. И у Инсарова болезнь - момент случайный, но удобный для автора. И "лишний человек" тоже больше прав имел бы на звание лишнего, если бы он не умер так безвременно; впрочем, и сам писатель как бы понимает это, вкладывая в уста Чулкатурина такие слова: "уничтожаясь, я перестаю быть лишним". Тургенев всегда и начинает. Никто не обходится у него без биографии или формуляра; для них он прерывает нить повествования, так что и герои, и читатели не раз стоят-дожидаются, пока он кончит, пока он вернется из той старины, когда, в княжение Василия Темного, родоначальник Лаврецких выехал из Пруссии...

Тургенев не глубок. И во многих отношениях его творчество - общее место. Если Страхов, с чьих-то слов, назвал его страницы акварелью, то это верно не только в смысле его литературной манеры, его внешней мягкости, его отделанного слога, но и по отношению к внутренней стороне его писательства. Есть сюжеты и темы, которых нельзя и которые грешно подвергать акварельной обработке. А он между тем говорит обо всем, у него и смерть, и ужас, и безумие, но все это сделано поверхностно и в тонах слишком легких. Он вообще легко относится к жизни, и почти оскорбительно видеть, как трудные проблемы духа складно умещает он в свои маленькие рассказы, точно в коробочки. Он знает, какие есть возможности и глубины в человеке, знает все страсти и даже мистерии, и почти все их назвал, перечислил, мимолетно и грациозно коснулся их и пошел дальше, например от подвижничества (в "Странной истории") - к своим излюбленным романам. Турист жизни, он все посещает, всюду заглядывает, нигде подолгу не останавливается и в конце своей дороги сетует, что путь окончен, что дальше уже некуда идти. Богатый, содержательный, разнообразный, он не имеет, однако, пафоса и подлинной серьезности. Его мягкость - его слабость. Он показал действительность, но прежде вынул из нее ее трагическую сердцевину. В той сфере общественности, где "Записками охотника" Тургенев стяжал себе особенно ценимые публицистической критикой заслуги, он в самом деле дорог тем, что до 19 февраля освободил крестьян: он их своим описанием дифференцировал, он в их общей и для многих безличной массе распознал отдельные физиономии, разнообразные души, но самое крепостничество и кровь, позорную эпопею рабства, сумел написать все той же ровной и безобидной акварелью. Он, "не думав долго", согласился смотреть на казнь Тропмана и подробно изобразил ее; а герои его "Жида" улыбаются невольно, когда Гиршеля тащили на виселицу: так странны и уродливы были его телодвижения, крики, прыжки... Тургенева легко читать, с ним легко жить - он никогда не испугает, не ужаснет, какие бы страшные истории он вам ни поведал. Плавный, занятный, такой безукоризненный в форме, тщательно выписывая детали, он удобен. У него - рассказ для рассказа. Он не